

Алексей Черных

Горловка. Девятьсот пятый

Поэма

16+

Алексей Борисович Черных Горловка. Девятьсот пятый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61963083

SelfPub; 2020

Аннотация

Историческая поэма. Описываемые события относятся к одному из эпизодов революции 1905-1907 годов – Горловскому вооруженному восстанию.

Содержание

17 (30) декабря 1905 года. За два часа до поражения восставших. Лидия Доброва в бою у станции Горловка и Корсунской копи №1	4
Вечер 13 (26) декабря 1905 года. За четыре дня до поражения. Прохор Дейнега сотоварищи возвращают восставшим контроль над станцией Ясиноватая	9
Раннее утро 14 (27) декабря 1905 года. За три дня до поражения. Отряд Прохора Дейнеги разоружает 12 роту 280 пехотного Балаклавского полка вблизи станции Ясиноватая	18
17 (30) декабря 1905 года. За шесть часов до поражения. Андрей Гречнев после нападения на казармы сборного войскового отряда по улице Садовой в Горловке	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

17 (30) декабря 1905 года. За два часа до поражения восставших. Лидия Доброва в бою у станции Горловка и Корсунской копи №1

Метели злобной завыванье
Порою скрадывало звук
И выстрелов, и пуль визжанья,
И громких окриков вокруг.

Был снег так нестерпимо колок.
Пургой закрученный в кольцо
Он ранил тысячью иголок
Разгорячённое лицо.

Собравшись, Лидия Доброва
Взглянула за угол, туда,
Где бой усиливался снова
И вспыхивала темнота.

Вот справа, саженой за тридцать,
Дружинник раненный лежит.

Он жив как будто – шевелится
И что-то вроде бы кричит.

Кричит от боли, вероятно.
Раскинув руки, на спине
В снегу валяться неприятно,
В метель, под пулями – вдвойне.

Пургой заметенные тропы
Во тьме столь сложно отыскать.
Обременительны сугробы –
По ним так нелегко бежать.

Но нужно. Лида, чуть запнувшись
От оружейного огня,
Спешит к дружиннику, пригнувшись,
Страх подступающий гоня.

Споткнувшись, девушка упала,
Лишь сделав несколько шагов.
Шальная пуля запоздало
Порхнула, воздух распоров.

Метель почти по-волчьи взвыла,
Крутя свой дикий хоровод.
А Лида быстро подскочила

И снова бросилась вперёд.

Она ещё споткнулась дважды,
Но удержавшись на ногах,
Закончила бросок отважный
От раненого в двух шагах.

Дружинник, потеряв сознание,
Застыл недвижимо в снегу.
Тянуть его под стены зданья
Придётся через «не могу».

Гораздо проще в лучшем виде
Порой десяток вёрст пройти,
Чем тридцать саженьей, что Лиде
Необходимо проползти.

* * *

Она ведь не герой – учитель
Словесности, но здесь верней
Она и ангел и спаситель
Несчастных, раненых людей.

Тех, кто сейчас у копи¹ этой

¹ Корсунская копь (рудник) №1 – будущая шахта «Кочегарка». Исторически

И этой станции упал
На снег, от боя разогретый,
Кто не успел, не добежал.

* * *

С натугою, ворча сердито,
Под беспорядочным огнём
Тянула раненого Лида
Под стены станции с трудом, –

Преодолевая боль и холод
И обдирая кожу рук.
...И зная: поле боя – школа,
Как свой обуздывать испуг.

И вот, когда уже казалось,
Что ей добраться удалось,
Лихая пуля разудало
Прошила девушку насквозь.

Вошла ей пуля под лопатку
И, выйдя из груди, на раз
Вонзилась будто бы в «десятку»,

Дружиннику в закрытый глаз.

Смешалась кровь – его и Лиды,
Стекая на примятый снег.
Она жива, а он – убитый,
Она – ещё, а он – навек.

Одною пулей их обоих
Сразил невидимый стрелок.
Такое окончанье боя
И несчастливый эпилог.

Теряя мутное сознание,
Кровавой брызгая слюной,
Шепнула Лида на прощанье:
«Ах, Прохор!.. Прохор... Мой родной...»

P.S. Лидия Доброва скончалась, не приходя в сознание, по дороге домой, в поезде, которым гришинская рабочая дружина возвращалась по окончании Горловского боя.

А на следующий день на станцию Гришино² доставили тело погибшего в том бою командира дружины, учителя Прохора Дейнеги, жениха Лидии.

² На момент написания поэмы это г. Красноармейск Донецкой обл.

**Вечер 13 (26) декабря 1905 года.
За четыре дня до поражения.
Прохор Дейнега сотоварищи
возвращают восставшим контроль
над станцией Ясиноватая**

Темны, угрюмы, неуютны
И длинны ночи в декабре.
Тихи посёлки, малолюдны
И соответствуют поре.

В такое время не способен
Хвалиться живостью народ.
Но этот час весьма удобен
Для тех, кто скрытностью живёт:

Не нужно красться и таиться,
Не нужно голову ломать,
Как половчее исхитриться
Своих врагов врасплох застать.

Сулит безлюдье тем немало,

Кто соглядатай, воин, тать.
Но и повстанцам не пристало
Такое время упускать.

* * *

Когда дружинники Дейнеги
К Ясиноватой добрались,
Они, заботясь об успехе,
В бой безрассудный не рвались.

Остановив на семафоре
Свой поезд, выслали вперёд
Разведчиков, чтоб профилёрить,
Чем нынче станция живёт.

Ночь обещала быть морозной.
Неспешно ухал паровоз,
И пар струился грациозно
Дымком от дамских папирос.

Искрились на белёсом снеге
Осколки отблесков живых.
Казалось Прохору Дейнеге,
Мир успокоено затих.

* * *

Со слов друзей-ясиноватцев,
Что пригласили им помочь
Разоружить хриstopродавцев-
Солдат и выгнать подлых прочь,

Войска сегодня окружили
Посёлок и, являя прыть,
Свой ультиматум предъявили:
Все забастовки прекратить;

Запрет на сборы и собрания;
Власть прежним органам вернуть;
Покинуть станцию и зданья,
Что окружали ЖД путь.

Такая жёсткость возмутила
Ясиноватовский народ.
Угроза применения силы
Заставила созвать их сход.

Но времени не дав на роздых,
Солдаты митинг тот – взашей:
Прикладами, стрельбою в воздух,
Угрозами гоня людей.

Командовал пехотной ротой
Жестокосердный капитан
Карамышев – с большой охотой,
От власти и от водки пьян.

Хлебал из фляжки без утайки
Он самогонный скородел
И лично пару раз нагайкой
Кого-то от души огрел.

И после этого разгона
Ясиноватский комитет
Послал за помощью, резонно
Считая: нужно дать ответ.

К тому ж с утра известье было:
Авдеевцы отряд драгун
От станции прогнали силой,
Задав тем знатный карачун.

Вот так и приняли решенье
Лихих авдеевцев позвать
Не то, чтоб войску дать сраженье,
Но чтоб отменно напугать.

А Прохор с гришинским отрядом
Как раз в Авдеевку примчал –
Вдруг, мол, какая помощь надо
В гоненье «царских прихлебал».

Но коль «цепные псы режима»
Сбежали, отхватив сполна,
То помощь гришинской дружины
Здесь оказалась не нужна.

А их соседям – помощь к месту:
Дейнега и его отряд
С авдеевской дружиной вместе
В Ясиноватую спешат.

* * *

Таким он был – кровавый пятый,
Сверхреволюционный год.
В стране, волнениями объята,
Метался и кипел народ.

Как будто некий страшный вирус
Людские души поразил
И разом отношенье к миру
Перекрутил и исказил.

* * *

Разведчики вернулись вскоре
И доложили, что солдат
В округе нет почти – в дозоре
Лишь несколько постов стоят:

На входе в станцию, у кассы,
У телеграфа... Как тут быть?
Дружинники своею массой
Могли б легко их задавить.

Но вызывало подозренье
Решение лишь трёх бойцов,
Определить на охраненье,
А не полсотни стервецов.

А вдруг, прикрывшись недоглядом,
Карамышев решил схитрить,
Чтоб пролетарские отряды
В свою ловушку заманить.

Как офицер он был обучен
Войны искусству и владел
Бунтарских лидеров получше

Стратегией подобных дел.

Но и над опытом довлеет
Порой решительный напор
Назло всему, что смысл имеет,
И логике наперекор.

Как крепко сжатая пружина,
Что силу долго бережёт,
Дейнега и его дружина
Свой поезд двинули вперёд.

Горохом ссыпавшись с вагонов
И быстро охраненье сняв,
Рассредоточились без споров
И криков, станцию заняв.

Действительно, лишь три солдата
Стояли на постах своих.
Где остальные «супостаты»,
Пришлось выведывать у них.

* * *

Допрос недолго продолжался,
И Прохору пришлось слегка

Придерживать своих, кто рвался
Намять солдатские бока.

Один мальчонка, Герш Завадский,
Бойцов и вовсе пристрелить
Пытался, тужась залихватски
Винтовку перезарядить.

Затвор не пожелал сдаваться,
Что и спасло солдат, видать.
Мальчишке лет всего пятнадцать,
Откуда жажда убивать?

Забрав оружие, подзатыльник
Парнишке Прохор отпустил
И не по-менторски обильно
Отборным матом обложил.

Стараясь всех призвать к порядку,
Командуя до хрипоты,
Дейнега выдал разнарядку
На караульные посты.

С учительским авторитетом
Он указанья отдавал.
А после местному совету

Все полномочья передал.

Троих пленённых пехотинцев
Решил Дейнега отпустить,
Узнав пред тем у лихоимцев,
Как сослуживцев их схватить.

**Раннее утро 14 (27) декабря
1905 года. За три дня до
поражения. Отряд Прохора
Дейнеги разоружает 12 роту 280
пехотного Балаклавского полка
вблизи станции Ясиноватая**

На свете есть такое племя,
Кто точно знает наперёд,
Что жадное к победам время
От них решительности ждёт.

Подобно Прохору Дейнеге
Они – передовой отряд
Эпохи, и об их успехе
Не зря реляции звучат.

* * *

Как на допросе рассказали
Пленённые начистоту,

Карамышевцы ночевали
На продовольственном посту.

(Был пункт такой неподалёку –
От станции в полуверсте.
Чуть за посёлком, где-то сбоку,
Но рядом с веткою ЖД).

Любой, наверно, понимает
И знает, что при всех иных
К утру обычно притупляет
Усталость бденье часовых.

Не стоило дружине медлить,
А нужно было побыстрее
Накинуть окруженья петлю
На карамышевских людей.

Дейнега из своих знакомцев
И из авдеевских «коллег»
Собрал ретивых добровольцев
Под два десятка человек.

На паровозе без вагонов
Ударный Прохоров отряд
Помчался вмиг по перегону

К посту, где пехотинцы спят.

Те нападения не ждали,
Не озаботившись ничем,
Свою ночёвку охраняли
Не по-военному совсем.

Солдатам служба их не в радость:
Когда напился командир,
То лень, апатия и праздность
У них из всех сочтется дыр.

* * *

Чины пониже занимали
Большой бревенчатый амбар,
Кто старше званьем – ночевали
В пристройке с парой-тройкой нар.

Строенья эти обрамляли
Сугробы в оспинках мочи.
Солдаты явно не желали
Искать клозет в глухой ночи.

Войдя в «начальскую» пристройку,
Разоружив солдата, что

Мечтал под печкою о койке,
Уткнув в ружьё своё лицо,

Дейнега и его «гвардейцы»
Оружье стали собирать,
Пока поддатые армейцы
Спокойно продолжали спать.

Привычная к невзгодам быта,
Но перепившая вчера,
Спала «пехотная элита»
Без задних ног, как детвора.

Ни разговоры, ни хождение,
Ни лязг металла не могли
Развеять пьяных сновидений
Чадяще-смердные угли.

С такой же легкостью сумели
Дружинники занять амбар,
Где нижние чины храпели
И источали перегар.

* * *

Дейнега был обескуражен:

Готовый жизнь свою отдать,
Он был решителен, отважен
И рвался доблесть показать.

А тут почти без напряженья,
Не применяя сложных схем,
Им удалось разоруженье
Пехотной роты без проблем.

Не думал Прохор, что удастся
Так просто их лихой набег.
В его отряде было двадцать –
Всего-то! – двадцать человек.

С какой-то детской обидой
Стоял Дейнега и смотрел,
Как капитан во сне сердито
Ворочал носом и сопел.

Завадский Герш, стоявший рядом,
Идиллию стерпеть не смог
И ткнул винтовочным прикладом
В холёный капитанский бок.

Пот у мальчишки капал с носа,
Как будто летняя жара,

А не декабрьские морозы
Проникла в двери со двора.

Потел же Герш от напряженья
И предвкушения того,
Что он получит наслажденье,
Избив ещё не одного.

* * *

Карамышев, проснувшись, нервно
Вскочил на нарах, мутный взгляд
Его сверкал немилосердно,
Как резкой молнии разряд.

Оружье у него забрали,
Но он откуда-то достал
Массивный, из булатной стали,
Прекрасно сделанный кинжал.

На миг соратники Дейнеги,
И прочие, кто рядом был,
Застыли, словно их навеки
Разрыв во времени скрутил.

Не по уставу офицерам

Пехотным этакий кинжал.
Но капитан весьма умело
Им и владел и управлял.

Интуитивно угадал он,
Кто командир его врагов:
Дейнегу острие металла
Чиркнуло, чуть не распоров.

Спасло же то, что полусидя
Кинжалом офицер рубил.
Его движение предвидя,
На шаг дружинник отступил.

Предотвращая продолженье
Подобных выпадов, наган
Нацелил Прохор, и в мгновенье
Был ранен нервный капитан.

Хрипя «К оружию!», на нары
Без сил Карамышев упал.
И об пол глухо звякнул старый,
Упавший роковой кинжал.

Вся кульминация момента,
Казалось бы, сошла на нет.

Но Герш на эти сантименты
Имел совсем другой ответ.

Он резко приподнял винтовку
И быстро надавил курок.
Ненужный выстрел и неловкий
Никто предотвратить не мог.

Герш бил в упор, нелепо тыча
Винтовкой капитану в грудь.
Смертельный выстрел закавычил
Карамышевской жизни путь.

* * *

Ни революции витийства,
Ни будущая благодать
От социальных благ – убийства
Никак не могут оправдать.

Коробит глупость объяснений:
Чтоб вился революций дым,
Клубок из жертв, убийств, гонений
Оправдан и необходим.

* * *

Со сна и после смерти страшной
Их командира не смогли
Солдаты дать отпор отважный,
Оружие не сберегли.

Дружинники все их винтовки
И всё изъятые вразброс:
Продукты и экипировку, –
В свой загрузили паровоз.

Дух революции нестойкий
Дружинникам не помешал
Помародёрствовать в пристройке,
Где мёртвый офицер лежал.

Толпясь над трупом капитана,
Поругиваясь невостро,
Дружинники делили рьяно
Его нехитрое добро.

Остановить их – труд напрасный,
И в раз второй за эту ночь
Дейнега выругался грязно
И вышел из пристройки прочь.

Рассвет уже добавил серость
В холодный, беспросветный мир,
Где вся Дейнеговская вера
В добро идей – теперь блезир.

**17 (30) декабря 1905 года. За
шесть часов до поражения.
Андрей Гречнев после
нападения на казармы
сборного войскового отряда
по улице Садовой в Горловке**

С утра мело. Как будто полог
Из снега жёсткого накрыл
Промёрзший до костей посёлок.
И ветер воздух иссушил.

Метель, в косых лачугах роясь,
Стараясь Горловку встряхнуть,
Сугробы намела по пояс,
А кое-где почти по грудь.

Нахаловок и Собачёвок,
Шанхаев и Пекинов грязь
Узором выюжных подмалёвок
Закрылась, словно бы стыдясь.

* * *

В процессе вялой перестрелки,
Что длилась несколько часов,
Никто не рвался в переделку
И умирать был не готов.

Стрельбы по людям безоружным
Пытаясь впредь не допустить,
Солдат напором ненатужным
Дружинники взялись теснить.

И лишь в процессе столкновенья
Смогли повстанцы осознать,
Что нужно было нападение
Гораздо раньше начинать.

В дружине горловской не найден
Был свой решительный герой,
Подобный Прохору, кто жаден
К победе быстрой и лихой.

Они могли б ещё под вечер
Собрать достаточно людей,
Чтоб без излишних велеречий

Солдат приструнить половчей.

А так армейцы и жандармы
Сумели за ночь укрепить
Свои непрочные казармы,
Проёмы досками забить.

И вот теперь, в пургу и холод, –
Не в лоб же их атаковать! –
Казармы чуть ли не измором
Восставшим приходилось брать.

* * *

Когда ж солдаты отступили,
Подняв для виду белый флаг,
Повстанцы радостно ожили,
Повеселели на глазах.

Простой победа получилась.
Да ведь никто и не хотел,
Чтоб столкновенье превратилось
В суровый массовый расстрел.

Хотелось лишь обезоружить,
А то, что враг их отступил,

Устраивало даже лучше:
На пленных нужно много сил.

Строй отступающих неровный
Во мгле метельной утонул,
И кто-то глупо и беззлобно
Над головами их стрельнул.

* * *

Андрея Гречнева немного
Жгут напряженья отпустил,
Но, обессиленный тревогой,
Вставать дружинник не спешил.

Уткнув лицо в сугроб колючий,
Андрей лежал. Казалось, жар,
Что пёк лицо крапивой жгучей,
Снег превращает в сизый пар.

«Так на драгунов не похоже», –
Подумал Гречнев невпопад.
Но вскоре выяснилось, что же
Заставило уйти солдат.

День прометеленный, синюшный,

Скровавив отблеском огня,
Взялись казармы и конюшни
Пожаром, сердце леденя.

Сработала всего-то пара
С десятка самодельных бомб,
Заброшенных на обветшалый
Двора казарменного ромб.

От них занялся мусор разный
У беленых саманных стен,
И вскоре вспенилось всё красным,
Как жаркий заводской мартен.

Дружинники из расторопных
К конюшне бросились спасать
Несчастных брошенных животных,
Тревожно продолжавших ржать.

Открытые ворота, к счастью,
Огонь пока не охватил,
Но из его разящей пасти
Спасли лишь нескольких кобыл.

Сам Гречнев оббежал казармы:
Училище недалеко,

И может пламенем пожарным

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.